

ДО СИГНАЛА ТРЕВОГИ

ВИКТОР РЕПИН

Виктор Репин

До сигнала тревоги

«Автор»

2026

Репин В.

До сигнала тревоги / В. Репин — «Автор», 2026

Реставратор Нина Соловьёва возвращается в родной портовый город, чтобы разобрать вещи умершего отца и продать дом. Среди его бумаг она находит записи о ночной аварии на рыбокомбинате, где почти тридцать лет назад погибли люди. Время телефонных звонков не сходится с официальным журналом, на старой фотографии появляется ребёнок, которого нет в списках спасённых, а человек, помогавший отцу искать документы, найден мёртвым в затопленной насосной. Нина привыкла восстанавливать повреждённую бумагу, но теперь от неё требуют оставить прошлое в покое. Чтобы понять, что произошло в насосной, ей придётся выяснить, кто открыл воду в ту давнюю ночь, кого успели спасти и под чем поставил подпись её отец. Ответы ещё можно найти — если документы не исчезнут раньше, чем она научится их читать.

© Репин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом над оврагом	5
Глава 2. Человек из бухгалтерии	8
Глава 3. Абонентский ящик	11
Глава 4. Нижний цех	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виктор Репин

До сигнала тревоги

Глава 1. Дом над оврагом

В отцовском доме пахло разогретой проводкой, хотя комнатную линию отключили ещё перед поминками: автомат дважды выбивало, и Нина решила дожидаться электрика. Розетка в прихожей работала от другой линии, но в комнатах оставались погасшие лампы. Пока она возилась с замком, ей пришло в голову, что там до сих пор включён обогреватель; потом она вспомнила, как сама выдёргивала вилку, заворачивала шнур вокруг ножек и злилась на бессмысленную обстоятельность своих движений. Зоя Игнатьевна уверяла, что после дождей так пахнет старая изоляция, однако теперь, стоя на крыльце с сумкой через плечо, Нина никак не могла отделаться от мысли, что внутри кто-то недавно был.

Ключ повернулся только с третьей попытки. В последние годы отец подпиливал его всякий раз, когда дверь начинала заедать, вместо того чтобы сменить замок, и от бородки осталась тонкая металлическая гребёнка. В прихожей висела его куртка с вдавленными плечами, под ней стояли резиновые сапоги, присыпанные засохшей землёй. Нина закрыла за собой дверь, поставила сумку и некоторое время прислушивалась к воде в овраге. Ручей здесь не высыхал даже летом, а сейчас, после двух суток дождя, шумел так, словно между домом и соседским забором запустили небольшую лесопилку.

Она вернулась в Лиственск на пять дней. Риелтор обещала приехать в понедельник; до этого требовалось разобрать бумаги, убрать из комнат вещи, которые нельзя показывать чужим людям, и решить, что делать с тяжёлым верстаком в сарае. Дом вместе с верстаком, яблонями и протекающей крышей стоил меньше, чем однокомнатная квартира на окраине города, где Нина прожила последние семнадцать лет. От этого сравнения становилось стыдно, хотя на похоронах она уже поймала себя на том, что переводит каждый предмет в стоимость перевозки.

В кухне на клеёнке лежал прямоугольник более светлой пыли. Здесь стояла хлебница, которую Нина отдала соседке Зое Игнатьевне; справа от её следа виднелись четыре кружка от чашек. Она провела пальцем по краю стола, посмотрела на серую полосу и вспомнила, что после поминок в доме оставались трое отцовских знакомых. Чашки могли стоять с того дня. Запах проводки мог ничего не значить. Ей хотелось поскорее найти обыкновенное объяснение каждой мелочи, потому что отцовская смерть уже заняла внутри слишком много места.

Борис Соловьёв умер в кресле у окна. Врач сказал, что всё произошло быстро, и показал Нине кардиограммы двухлетней давности, как будто бумажные зубцы могли заменить разговор, который она так и не успела закончить. За неделю до смерти отец позвонил ей среди рабочего дня и спросил, можно ли снять наклеенную бумагу с другой бумаги, не повредив нижний слой. Нина стояла в реставрационной мастерской над атласом железных дорог и ответила довольно раздражённо: зависит от клея, принеси или отправь фотографию. Он пообещал, что отправит, но фотографии не прислал.

Теперь на его письменном столе лежал районный телефонный справочник за 1998 год. Под ножкой настольной лампы торчал край синего конверта, а на справочнике стояла чашка с двумя высохшими чайными листьями. Нина не помнила этой чашки в день похорон. Она решила пока не трогать её и открыла верхний ящик.

Отец держал документы так, как когда-то держал инструмент: каждому предмету отводилось место, которое постороннему человеку казалось случайным. Пенсионные справки лежали под инструкцией к водонагревателю, квитанции об оплате газа были сколоты с фотографией спуска буксира, а паспорт хранился в жестяной коробке из-под монпансье вместе с военным

билетом и маленьким бумажным пакетиком. В пакетике оказались два молочных зуба. На одной стороне отец написал её имя, на другой — дату, и Нина захлопнула коробку сильнее, чем собиралась. При её отъезде отец обещал оставить мамины письма, которые лежали в шкафу между журналами; через год сказал, что выбросил их вместе с ненужными бумагами. Из-за этого они поссорились тогда впервые после похорон. Теперь перед ней лежали зубы, выпавшие ещё до школы, бережно упакованные и подписанные.

Ей было четырнадцать, когда мать умерла; восемнадцать, когда Нина уехала. За эти четыре года они научились разговаривать о погоде, деньгах и состоянии холодильника, обходя любую тему, способную задержать их на кухне дольше десяти минут. Нина считала это взаимным удобством. Теперь удобство обернулось тем, что она не знала, кого пригласить на поминки, кроме соседки и двух бывших коллег с насосной станции.

В нижнем ящике находилась толстая тетрадь с чёрным корешком. Отец завернул её в полиэтилен и перетянул аптечной резинкой; на обложке не было ни названия, ни даты. Нина сняла упаковку, открыла тетрадь в середине и увидела таблицы расхода воды, начерченные вручную. Цифры были мелкими, буквы ровными, с характерным наклоном, который она знала по школьным запискам о пропущенных уроках. В нескольких таблицах отец добавил отдельную колонку «по акту», перенеся в неё другие значения времени. Несколько страниц отец перечеркнул красным карандашом, а ближе к концу вклеил фотографию людей на крыше кирпичного здания.

Нина узнала здание раньше, чем успела рассмотреть лица. Рыбокомбинат на Старой косе показывали по местному телевидению каждую годовщину ноябрьской аварии. В детстве она помнила его ещё работающим: запах варёных панцирей, сизые окна сушильного цеха, женщин в белых халатах, которые покупали на остановке пирожки и держали их пальцами, покрасневшими от холодной воды. Теперь кирпичные стены стояли за забором, над ними вывесили рекламный щит с изображением будущего жилого комплекса.

Фотографию наклеили поверх записи. По краям выступал жёлтый клей, но в правом нижнем углу уголок отошёл, и под ним виднелась часть цифры. На обороте соседнего листа отец написал: «Первый звонок — не в 1.54. Проверить у Г. П. Квитанция сохранилась». Ниже другой ручкой было добавлено: «Лёня знает, где ведомость. Не отдавать оригинал». Нина сделала снимок страницы и отправила Лене, с которой собиралась встретиться вечером.

Они познакомились в поезде, когда обе ехали сдавать вступительные экзамены. Лена тогда вытащила из сумки помидоры, два варёных яйца и нож в бумажном чехле; Нина подумала, что с таким человеком можно ехать куда угодно, потому что он обязательно предусмотрит хотя бы завтрак. Потом выяснилось, что они родились в одном городе, учились в соседних школах и ни разу не встретились. Лена вернулась в Лиственск после юридического факультета, вышла замуж, развелась и теперь помогала небольшим предприятиям составлять договоры, которые никто не читал до первого серьёзного убытка. Ответ пришёл почти сразу: «Ты уже дома? Ничего не отклеивай. Я подъеду через час».

Нина посмотрела на сообщение, потом снова на фотографию. Она не написала Лене, что собирается что-то отклеивать. Впрочем, Лена знала её работу и могла догадаться. На снимке около пожарной лестницы стоял мужчина с полотенцем на плечах; справа от него сидела женщина, держа на коленях ребёнка в слишком большой куртке. От воды, когда-то попавшей на отпечаток, по снимку разошлись светлые полосы; лицо женщины почти не пострадало. Она смотрела прямо в объектив. Нина приблизила изображение на телефоне и различила тёмный рукав, прижатый к детской щеке.

Калитка хлопнула минут через двадцать, в начале пятого. Нина вышла на крыльцо, ожидая увидеть Лену, однако у дорожки стояла Зоя Игнатьевна с миской под кухонным полотенцем.

— Я заметила свет от телефона в окне, — сказала соседка. — Свет тебе починили? У меня переноска есть, если надо. Тут котлеты, разогреешь на газу, только спичками пользуйся, пьезо у него давно сломалось.

Она протянула миску и, не дожидаясь приглашения, поднялась на крыльцо. После похорон соседка разговаривала с Ниной таким тоном, словно та всё ещё была школьницей, которую оставили одну на каникулы. Обычно Нину это раздражало, но сейчас она отошла, пропуская её внутрь.

Зоя Игнатьевна оглядела кухню, поправила полотенце на миске и спросила, заходил ли уже Леонид. Когда Нина ответила, что не знает никакого Леонида, соседка обернулась к ней с явным недоумением.

— Мартынов, с комбината. Он во вторник приходил. Сказал, ты просила забрать бумаги, показал Борину записку. Я ключ дала, он потом вернул. Ты ему звонила?

Нина поставила миску на стол так осторожно, что крышка даже не дрогнула. Во вторник она была за восемьсот километров от Лиственска и никого ни о чём не просила. На похоронах фамилию Мартынова, возможно, называли, но она её не запомнила.

— Что за записка?

— Обычная, Бориной рукой. Чтобы я впустила Лёню, если его самого дома не окажется. Он мне раньше говорил, что тот придёт. Я подумала, они с тобой договорились.

Соседка почувствовала неладное и сразу перестала оправдываться. Рассказала, что Мартынов был в доме около часа, вынес небольшой пакет, перед уходом спросил, не заходил ли к Борису Иван Руднев. Никакой мебели он не двигал, во всяком случае, она не слышала; оставил на кухонном столе вымытую чашку. Вторая, возле справочника, стояла с прошлого приезда Мартынова к Борису; Зоя тогда не стала трогать бумаги и посуду на письменном столе.

Следы на клеёнке перестали казаться новыми, и чашка возле справочника тоже оказалась чужой давней вещью. Но предупреждение об оригинале теперь относилось к человеку, который ещё на этой неделе брал отцовские бумаги. Нина спросила, есть ли у соседки телефон Мартынова. Зоя Игнатьевна достала старый мобильник, долго листала контакты и, найдя домашний номер Мартынова, нажала вызов сама. Они стояли рядом у кухонного окна и слушали гудки, слишком громкие для пустого дома.

Телефон ответил чужим мужским голосом. Зоя Игнатьевна сказала, кого ищет, выслушала короткую фразу и прижала ладонь к груди. Потом передала аппарат Нине.

— Вы родственница Леонида Андреевича? — спросил мужчина. — Мы сейчас в его квартире. Кто с ним хотел поговорить?

Нина объяснила, что дочь Бориса Соловьёва, что Мартынов забирал из дома какие-то документы и соседка хочет связаться с ним. Голос попросил её назвать адрес, а затем представился следователем Веретенниковым. Он говорил спокойно, без той особой мягкости, которой люди обычно прикрывают дурные новости.

Леонида Мартынова нашли утром в подвале старой насосной. Следователь хотел поговорить с каждым, кто видел его на этой неделе. Нина смотрела на выключенный холодильник. На дверце сохранился магнит из города, где она жила, — единственный сувенир, привезённый отцу за последние годы. Под магнитом висел календарь за сентябрь, и все числа после двадцать первого оставались незачёркнутыми.

Она спросила, что произошло с Мартыновым, хотя уже поняла по паузе перед ответом. Следователь сказал, что обстоятельства выясняются и сейчас лучше обсудить это при встрече. Нина назвала время, когда будет дома, вернула соседке телефон и подошла к письменному столу. Синий конверт под лампой был заклеен. На нём отец написал её имя. Нина подвинула тетрадь к конверту, но пока не открыла его: хотелось закончить хоть одно дело, прежде чем начнётся следующее.

Глава 2. Человек из бухгалтерии

Лена приехала с пакетом продуктов и сердитым выражением лица, которое всегда появлялось у неё, когда она опаздывала по собственной вине. В прихожей она сначала обняла Нину, потом разулась и поставила пакет на свободный стул. На пальто у неё блестели мелкие дождевые капли; волосы у висков намокли, а на рукаве остался светлый след от стены, к которой она, должно быть, прислонилась в подъезде.

— До тебя невозможно дозвониться, — сказала она. — Я набирала три раза. У вас тут опять сеть падает?

Нина показала телефон, всё это время лежавший на беззвучном режиме, и рассказала о Мартынове. Лена медленно расстегнула пальто до конца и повесила его на спинку стула. Она не переспросила, кто такой Мартынов, поэтому Нина добавила, что впервые слышит о нём сегодня.

— Он работал бухгалтером на комбинате, потом в снабжении, — ответила Лена. — Последние годы подрабатывал у архивистов: разбирал документы предприятий, которые закрылись. Твой отец просил меня найти его номер летом.

— Ты общалась с отцом? — спросила Нина. Лена уже доставала из пакета хлеб и на секунду оставила руку внутри.

— Несколько раз. Он хотел понять, как передать бумаги в архив. Я объяснила, что лучше сначала сделать опись. Не думала, что тебе это интересно.

Это была правдивая и неприятная фраза. Нина действительно не спрашивала, чем отец занимается, если его занятие не требовало покупки лекарств или срочного ремонта. Она взяла нож, стала резать хлеб и обнаружила, что ломти получаются слишком тонкими. Лена отодвинула разделочную доску, поставила на плиту чайник и спросила, удалось ли вызвать электрика. Обе с облегчением задержались на этой теме, пока Нина не достала тетрадь.

На фотографии Лена посмотрела прежде, чем на записи. Она чуть склонила голову и поднесла страницу к окну. За стеклом темнело; рукав её свитера касался жёлтого края клея.

— Это после аварии, — сказала она. — Наверное, спасатели снимали для отчёта. У пожарных были такие фотографии.

— Ты говоришь так, будто уже видела именно эту.

— Я видела много снимков комбината. По работе.

Она закрыла тетрадь, и Нина почувствовала, что разговор свернул слишком быстро. Лена сопровождала сделки с недвижимостью, в том числе продажу складов у порта; никаких странностей в её интересе к старому предприятию не было. Но просьба ничего не отклеивать, отцовские звонки, взгляд на женщину с ребёнком складывались в осторожность, которой подруга раньше не проявляла.

Нина собиралась спросить ещё, когда во дворе остановилась машина. Следовательно приехал без мигалки, в короткой куртке и с папкой под мышкой. С ним была молодая женщина, которую он представил сотрудницей полиции; она осталась в прихожей разговаривать с Зоей Игнатьевной. Веретенников вошёл в кухню, отказался от чая и попросил показать записку, по которой соседка впустила Мартынова. Записка нашлась на полке у зеркала, под банкой с монетами: отец действительно написал, что Леониду можно доверять и что ключ следует отдать ему, если Бориса нет дома.

— Когда ваш отец умер? — уточнил Веретенников, хотя Нина уже называла дату по телефону.

— Двадцать первого сентября. Почему вы спрашиваете?

— Хочу правильно восстановить последовательность. Мартынов мог считать разрешение действующим, а мог обсуждать с вами новый визит. Вы уверены, что он не звонил?

Нина открыла историю вызовов и передала телефон. Следователь просмотрел только нужные даты, записал два неизвестных номера и попросил её рассказать всё с момента приезда. Тетрадь он взял за края, не снимая перчаток, которые надел, когда увидел вклеенную фотографию. Лена сидела у плиты, сложив руки на коленях, и не перебивала.

Мартынова обнаружили рабочие, откачивавшие воду перед обследованием насосной. Помещение находилось на территории бывшего комбината, но само здание давно не работало в обычном режиме. В конце сентября там проверяли отдельную линию подачи морской воды, чтобы понять, можно ли использовать старый водозабор при реконструкции. Веретенников объяснял это без технических подробностей, которых, как поняла Нина, пока не знал сам.

— Значит, он упал в воду? — спросила она.

— Мы пока не знаем, как он туда попал. У него в кармане был пропуск на территорию, выписанный на второе октября, и несколько сложенных листов в пластиковом чехле. Вода попала внутрь, бумаги намокли. Мы ищем человека, который сможет помочь их прочитать, не испортив.

Нина ответила, что работает с бумагой и переплётными, но не занимается судебной экспертизой. Она могла объяснить, как высушить листы, однако любые действия с вещественными доказательствами требовали специалистов и установленного порядка. Веретенников кивнул, словно именно такого ответа и ждал, а затем попросил разрешения сфотографировать тетрадь.

— Оригинал пока останется здесь? — спросила Нина.

— Если понадобится изъятие, оформим отдельно. Сейчас мне важно понять, что связывало этих людей. Мартынов в четверг говорил по телефону с вашим отцом, вернее, с номером вашего отца. Кто мог отвечать из этого дома?

Нина посмотрела на настенный телефон. Старый аппарат ещё работал, хотя исходящие междугородные звонки отец давно делал с мобильного. Трубка лежала чуть криво, как всегда, когда её возвращали на рычаг второпях.

— Никого не было. Зоя Игнатьевна заходила поливать цветы, но в четверг, кажется, не приходила.

Следователь записал и это. От тетради к телефону, от телефона к записке — его взгляд двигался спокойно и последовательно, и Нина отодвинула от края стола миску с котлетами, освобождая место для его папки. Ей было тяжело смотреть, как он обращается с вещами, но ещё тяжелее — торопить его из-за этого. Веретенников спросил, где отец работал в 1996 году, и она ответила, что диспетчером на городской насосной, расположенной возле комбината. После аварии он перешёл в ремонтную бригаду и до пенсии обслуживал котельные.

— Уволился сам?

— Не знаю. Он никогда об этом не говорил.

Когда следователь ушёл, Лена поставила перед Ниной чашку. Чай остыл, но обе сделали вид, что это не имеет значения. За столом осталась копия отцовской записки, которую Веретенников попросил не выбрасывать; бумажный уголок выгнулся от влажного воздуха.

— Ты уверена, что хочешь продавать дом? — спросила Лена.

— Сейчас я ни в чём не уверена. Ты почему сразу написала про клей? — спросила Нина, подвигая тетрадь к подруге. Лена потёрла переносицу и посмотрела на обложку.

— Борис спрашивал меня, кого найти для таких вещей. Я сказала, что лучше тебя никого нет. Он ответил, что не хочет дёргать тебя из-за ерунды. Значит, всё-таки позвонил.

Нина вспомнила свой голос в мастерской и перестала смотреть на подругу. Отец назвал старую бумагу ерундой, потому что именно этим словом она обычно объясняла ему, почему не может приехать. Она подняла конверт из-под лампы и разорвала край.

Внутри лежали письмо и ключ от абонентского ящика. Письмо начиналось словами: «Нина, если я успею, то лучше расскажу сам». Далее отец сообщил, что они с Мартыновым собирают документы об аварии, что некоторые журналы неправильно переписаны и что у

одного человека есть право требовать объяснения. Имени этого человека он не указал. В конце было написано: «Ты умеешь отличать то, что на бумаге, от того, что с бумагой сделали. Мне этого не хватило. Не верь моим цифрам, пока не увидишь вторую воду».

Лена прочла письмо через её плечо и отодвинулась. Нина хотела спросить, что значит последняя фраза, но подруга вдруг начала собирать грязные чашки, хотя раковина была почти пуста. У неё дрожали пальцы, и ложка дважды ударилась о край блюда.

— Ты можешь остаться сегодня? — спросила Нина.

Лена повернулась, уже готовая что-то объяснить, и замолчала. Потом кивнула, сняла с руки часы и положила их возле хлеба. Когда Нина подняла голову, подруга смотрела в окно на тёмный овраг, за которым вода всё ещё перекачивала камни.

Ночью Нина проснулась от того, что Лена говорила в кухне по телефону. Слов разобрать было нельзя; слышались только низкий голос и паузы, во время которых скрипел старый стул. Она не стала выходить, потому что утром всё равно могла спросить, и это простое решение почему-то далось ей труднее, чем чтение отцовского письма.

Глава 3. Абонентский ящик

Утром Лена уехала до того, как Нина успела спросить о ночном разговоре. На столе остались записка с номером электрика и пакет с творогом, который подруга не забыла убрать в прохладные сени. В записке она просила позвонить после почты. Это напоминание насторожило Нину сильнее, чем всё остальное: вчера о почтовом ящике они почти не говорили, а ключ она положила в сумку, не сообщив, когда собирается за ним идти.

Почта открывалась в девять. Нина пришла на десять минут раньше и встала за мужчиной, державшим пачку извещений, и женщиной с детской коляской. На стекле двери висела выцветшая схема доставки пенсий; в углу кто-то ручкой исправил время работы по субботам. После ночного дождя город был вымыт до самых неудобных подробностей: на тротуаре виднелись следы шин, возле урны разбухла рекламная листовка, а на стене соседнего магазина свежая краска ещё не успела скрыть старую надпись о продаже мороженого.

В детстве Нина считала Лиственск большим. Теперь между площадью, больницей и рынком оказалось расстояние, которое она в своём новом городе проходила от квартиры до метро. Только порт остался далеко: до него требовалось ехать вдоль бухты, огибая железнодорожные пути и склады, и Нина с некоторым облегчением думала, что хотя бы эту часть памяти действительность не успела уменьшить.

В ящике лежали два конверта. На одном было напечатано отцовское имя, второй адресовали ей, но не указали домашний адрес — только номер абонентского ящика. Имя Нины было написано той же рукой, что записка внутри: Борис, видимо, заранее сказал Галине, для кого готовит документы. Сотрудница почты нашла в журнале дату поступления: тридцатое сентября. Нина спросила, давно ли отец арендовал ящик, и получила ответ после проверки документов: с июля. Отправителем первого конверта значился городской архив, на втором не было имени, лишь обратный адрес пожарной части.

Нина села на скамейку у остановки и вскрыла архивный конверт. В нём находились справка о составе фонда рыбокомбината и копия ведомости погибших. Одиннадцать фамилий были отпечатаны на машинке; справа карандашом стояли возраст и подразделение. Павлу Горину было тридцать два года, остальным — от двадцати до пятидесяти семи. В графе о родственниках у Горина значилось: «не установлены». Эта запись относилась к первому акту; Нина не могла понять, искали ли их после его составления. Снизу архивист написал, что приложение к акту эвакуации в фонд не поступало.

Во втором конверте лежала тонкая книжечка квитанций с несколькими вырванными страницами и записка: «Борис просил, чтобы ты сравнила время. Я сама прийти не смогу. Галина Петровна Баженова». Нина раскрыла книжечку и увидела копировальную бумагу между пожелтевшими листами. Это были записи телефонных соединений, которые вела дежурная коммутаторного узла. Ночью семнадцатого ноября 1996 года из насосной дважды звонили на комбинат, а потом в пожарную часть. Первый звонок начался в 1.07, второй — в 1.19; рядом с третьим соединением стояло время 1.31 и пометка «затопление нижн. цеха».

В отцовской тетради, в колонке «по акту», первый звонок был указан в 1.54. Разница составляла сорок семь минут, если сравнивать именно первое соединение, но она ничего не объясняла сама по себе. В старых журналах ошибались, часы могли отставать, а составитель поздней копии мог перепутать строки. Нина сфотографировала квитанции и переслала их Веретенникову, попросив зафиксировать, откуда они получены. Затем позвонила по номеру на записке.

Галина Петровна жила в доме над аптекой и почти не выходила из квартиры после операции на бедре. По телефону она долго уточняла, действительно ли говорит с дочерью Бориса, а когда убедилась, попросила купить по дороге мягкий хлеб и пакет молока. Нина приехала

к ней через полчаса. Подниматься пришлось пешком: лифт остановился между этажами, и за закрытой дверью кто-то неторопливо объяснял диспетчеру, что опаздывает на рынок.

В квартире стояли крупные горшки с фикусами. Галина Петровна сидела в кресле, поставив рядом ходунки, и на её коленях лежала стопка фотографий, стянутая шнурком. Она была маленькой женщиной с тёмными пятнами на руках и внимательными глазами, в которых Нина заметила не возраст, а привычку недоверчиво слушать чужие сообщения.

— У тебя мамин рот, — сказала она после приветствия. — Боря говорил, что в остальном ты на него похожа. Садись, только стул бери из кухни, этот разваливается, сын всё обещает починить.

Нина принесла стул и положила квитанции на стол. Галина Петровна не потянулась к ним, будто уже знала каждый лист наизусть, и начала рассказывать. В ту ночь она работала на городском узле связи, который тогда помещался в старой конторе через дорогу от комбината. Комбинат имел собственную внутреннюю сеть, но звонки между ним и городской насосной, как и вызовы в пожарную часть, проходили через её коммутатор: после шторма несколько прямых линий не действовали. Она записывала время по часам, которые сверяла перед сменой с сигналом радио. На следующий день её попросили передать журнал комиссии, и она передала основной том; книжечка с корешками квитанций осталась в сумке, потому что её считали расходным материалом.

— Почему вы столько лет её хранили? — спросила Нина. Галина Петровна поправила шнурок на фотографиях, прежде чем ответить.

— Потому что потом сказали, будто нас вызвали поздно. Пожарные, конечно, не сразу доехали: дорогу на косу залило, пришлось через депо. Но их вызвали в половине второго, и я это знала. Когда у комиссии спросила, они ответили, что я, видимо, записала время начала другого разговора. Сказали так уверенно, что я чуть не поверила. Только другие разговоры у меня тоже записаны.

Она показала Нине соседние строки: вызов врача в 1.24, разговор с электроподстанцией в 1.38, обрыв линии в 1.43. Квитанции образовывали последовательность, которую нельзя было передвинуть на сорок семь минут, не нарушив всё остальное. Однако Нина понимала, что это ещё не доказательство подделки отцовского журнала; сначала нужно было найти оригинал и понять, какие часы использовались на насосной.

— Борис приходил к вам летом?

— В августе. Сначала фотографии смотрели, потом он про время спросил. Всё возвращался к первой квитанции, хотя остальные я тоже показала. Под конец сказал: «Я ведь тогда знал, что переписываю». Я думала, он раньше придёт. Мы друг от друга в двадцати минутах жили.

На нижнем снимке Нина увидела ту же крышу, что в тетради, только с другого ракурса. Мужчина с полотенцем стоял ближе к объективу, а женщина с ребёнком сидела возле кирпичной трубы. На этой фотографии её лицо было видно лучше; на скуле темнела полоса, похожая на ссадину. Галина Петровна заметила взгляд Нины и отложила снимок в сторону.

— Это я, — сказала она. — Лицо в мазуте, а не разбито. Когда портовая линия оборвалась, с остальными вызовами осталась сменщица, а я пошла к комбинату. От нашей конторы туда пять минут. Меня сначала наверх отвели, помочь людям, а там Борис девочку принёс. Потом мы её в котельную перевели и ждали автобус.

— А кто её мать?

— Вера Лукина. Работала на разделке. Её не было в ведомости.

Нина снова открыла список погибших, хотя знала, что фамилии Лукиной там нет. Галина Петровна не стала дожидаться вопроса и рассказала, что Вера устроилась в нижний цех за несколько недель до аварии, без оформления. Ей обещали документы после испытательного срока; до этого платили наличными, иногда деньгами, иногда продуктами. В ту ночь Вера при-

вела дочь на смену, потому что соседка, с которой обычно оставляли ребёнка, попала в больницу.

— Что случилось с девочкой потом?

— Сначала жила у моей сестры. Потом нашлась тётка со стороны отца и забрала её. Я помогала с бумагами. Ей было шесть лет, и она уже всё понимала, только не могла рассказать подряд. У маленьких память так устроена: отдельная вещь держится крепко, а что до неё и что после — не разберёшь.

Нина подумала о Лене, которая никогда не говорила о матери, и тут же рассердилась на себя за готовность соединить любые совпадения. В городе жили сотни людей нужного возраста; знакомая могла интересоваться комбинатом по работе, а отец мог обращаться к ней потому, что доверял её знаниям. Галина Петровна говорила о девочке так, будто имя само собой известно. Нина почти спросила, но вместо этого вынула из конверта список погибших. Ей нужно было сначала понять, кого не стало в ту ночь.

— Вера погибла?

— Мы её не нашли. Я не умею говорить «погибла», когда не видела ни человека, ни тела. Но она не пришла за дочкой. Если бы могла, пришла бы.

Она произнесла это без дрожи, словно за двадцать девять лет научилась держать одну фразу ровно. Нина взглянула на копию списка и поставила маленький крестик рядом с фамилией Горина. Пока она знала о нём только возраст и место работы; Галина говорила так, будто он должен был появиться в этом разговоре раньше.

— Почему тут отмечен Горин?

— Он должен был открыть выход из нижнего цеха. Борис сказал, что Павел ушёл туда ещё до первого сброса. Больше я ничего не знаю. Люди потом рассказывали всякое, но я тебе пересказывать не буду: ты только запутаешься.

Перед уходом Нина записала показания Галины Петровны на телефон с её согласия и попросила разрешения передать номер следователю. Старушка согласилась, но добавила, что не хочет, чтобы её снимали для телевидения. Потом вынула из стопки фотографию с ребёнком и протянула Нине.

— Эта копия тебе. Борис свою так приклеил, что бумагу испортил. Он всё спрашивал, можно ли вернуть страницу, которая под ней. Я ему говорила, что иногда лучше наконец посмотреть на то, что сверху.

На лестничной площадке Нина набрала Лену. Подруга ответила из машины, и в трубке шумел дождь по крыше. Нина сказала, что была у Галины Баженовой, и услышала, как Лена выключила двигатель. После этого стало тихо, а Нина поняла, что больше не собирается спрашивать о ночном звонке: у них появился другой разговор, который нельзя было начать из осторожных намёков.

— Девочка на фотографии — ты? — спросила она.

Лена помолчала, а затем ответила, что подъедет к дому через сорок минут. Нина не услышала удивления и уже не стала уточнять вопрос. Она спускалась по лестнице, придерживая конверт с фотографиями, и у выхода остановилась, чтобы убрать телефон: до дома можно было прийти раньше подруги, но возвращаться ей почему-то не хотелось.

Глава 4. Нижний цех

Лена стояла у калитки, когда Нина вернулась. Она не пошла в дом, хотя ключ после ночёвки остался у неё, а ждала под яблоней с мокрым воротником и сумкой, прижатой к животу. Нина открыла калитку и пропустила её вперёд; обе прошли до крыльца, ни разу не взглянув друг на друга. В кухне пахло вчерашними котлетами и холодным чайником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.